

Рассказы о мертвецах

1.

В одном селе была девка — леж́ака, лентяйка, не любила работать, абы как погудорить да побалакать! И вздумала она собрать к себе девок на попрядухи. А в деревнях вестимо уж леж́аки собирают на попрядухи, а лакомогоздки ходят. Вот она собрала на ночь попрядух; они ей прядут, а она их кормит, потчует. То, сё, и разговорились: кто из них смелее? Леж́ака говорит: «Я ничего не боюсь!» — «Ну, ежели не боишься, — говорят попрядухи, — дак поди мимо погосту к церкви, сними с дверей образ да принеси». — «Хорошо, принесу; только каждая напреди мне по початку». А это чувство-то в ней есть, чтоб ей ничего самой не делать, а чтоб другие за нее делали. Вот она пошла, сняла образ и принесла. Ну, те видят — точно образ от церкви. Надо теперь несть образ назад, а время уж к полночи. Кому несть? Леж́ака говорит: «Вы, девки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!»

Пошла, поставила образ на место. Только идет назад мимо погосту и видит: мертвец в белом саване сидит на могиле. Ночь-то месячная, все видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит — знать, время не пришло еще ему говорить-то. Вот она взяла саван, приходит домой. «Ну, — говорит, — образ отнесла, поставила на место, да вот еще с мертвеца саван стащила!» Девки — которые спужались, которые не верят, смеются. Только поужинали, легли спать, вдруг мертвец стучится в окна и говорит: «Отдай мой саван! Отдай мой саван!» Девки перепугались — ни живы ни мертвы; а леж́ака берет саван, идет к окну, отворила: «На, — говорит, — возьми!» — «Нет, — отвечает мертвец, — неси туда, где взяла!» Только вдруг петухи запели — и мертвец исчез.

На другую ночь уж попрядухи все по домам разошлись; в тот же самый час опять мертвец приходит, стучится в окно: «Отдай мой саван!» Вот отец и мать леж́аки отворяют окно, отдают ему саван. — «Нет, — говорит, — пущай она отнесет туда, где взяла!» Ну, как идти с мертвецом на погост? Страшно! Только петухи пропели — исчез мертвец. На другой день отец и мать послали за священником; рассказали ему так и так и просят пособить их горю: «Нельзя ли, — говорят, — обедню отслужить?» Священник подумал:

«Ну, пожалуй! Велите ей завтра к обедне выходить». Назавтра пошла лежачка к обедне; началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да бѣземь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась.

2.

Ехал ночью мужик с горшками; ехал-ехал, лошадь у него устала и остановилась как раз против кладбища. Мужик выпряг лошадь, пустил на траву, а сам прилег на одной могиле; только что-то не спится ему. Лежал-лежал, вдруг начала под ним могила растворяться; он почуял это и вскочил на ноги. Вот могила растворилась, и оттуда вышел мертвец с гробовой крышкой, в белом саване; вышел и побежал к церкви, положил в дверях крышку, а сам в село. Мужик был человек смелый; взял гробовую крышку и стал возле своей телеги, дожидается — что будет?

Немного погодя пришел мертвец, хватъ — а крышки-то нету; стал по следу добираться, добрался до мужика и говорит: «Отдай мою крышку, не то в ключья разорву!» — «А топор-то на что? — отвечает мужик. — Я сам тебя искрошу на мелкие части!» — «Отдай, добрый человек!» — просит его мертвец. «Тогда отдам, когда скажешь: где был и что делал?» — «А был я в селе; уморил там двух молодых парней». — «Ну, скажи теперь: как их оживить можно?» Мертвец поневоле сказывает: «Отрежь от моего савана левую полу и возьми с собой; как придешь в тот дом, где парни уморены, насыпь в горшочек горячих угольев и положи туда клочок от савана, да дверь затвори; от того дыму они сейчас отживут». Мужик отрезал левую полу от савана и отдал гробовую крышку. Мертвец подошел к могиле — могила растворилась; стал в нее опускаться — вдруг петухи закричали, и он не успел закрыться как надо: один конец крышки снаружи остался.

Мужик все это видел, все приметил. Стало рассветать; он запряг лошадь и поехал в село. Слышит в одном доме плач, крики; входит туда — лежат два парня мертвые. «Не плачьте! Я смогу их оживить». — «Оживи, родимый; половину нашего добра тебе отдадим», — говорят родичи. Мужик сделал все так, как научил его мертвец, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчас схватили, скрутили веревками: «Нет, дока! Мы тебя начальству представим; коли оживить сумел, стало быть ты и уморил-то!» — «Что вы, православные! Бога побойтесь!» — завопил мужик и рассказал

все, что с ним ночью было. Вот дали знать по селу, собрался народ и повалил на кладбище, отыскивали могилу, из которой мертвец выходил, разрыли и вбили ему прямо в сердце осиновый кол, чтоб больше не вставал да людей не морил; а мужика знатно наградили и с честью домой отпустили.

3.

Случилось одному ремесленнику поздним вечером ворочаться домой из чужой деревни, с веселой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель — лет с десятков тому, как помер. «Здоров!» — «Здравстуй!» — говорит гуляка, и позабыл, что знакомый его давным-давно приказал долго жить. «Зайдем ко мне; хватим еще по чарке, по другой». — «Пойдем; на радостях, что свиделись, можно выпить!» Пришли в избу, пьют-гуляют. «Ну прощай! Пора домой идти!» — «Постой, куда теперь идти! Переночуй со мной». — «Нет, брат, и не проси — нельзя; завтра дело есть, так надо пораньше быть дома». — «Ну, прощай! Да что тебе пешком идти? Лучше садись на мою лошадь, живо довезет». — «Спасибо, давай!» Сел верхом и понесся — что твой вихрь летит! Вдруг петух запел!.. Страшно: кругом могилы, а под ездоком надгробный камень!

4.

Отпустили одного солдата в побывку на родину; вот он шел, шел, долго ли, коротко ли, и стал к своему селу приближаться. Недалеко от села жил мельник на мельнице; в былое время солдат водил с ним большое знакомство; отчего не зайти к приятелю? Зашел; мельник встретил его ласково, сейчас винца принес, стали распивать да про свое житье-бытье толковать. Дело было к вечеру, а как погостил солдат у мельника — так и вовсе смерклось. Собирается солдат идти на село; а хозяин говорит: «Служивый, ночуй у меня; теперь уж поздно, да, пожалуй, и беды не уйдешь!» — «Что так?» — «Бог наказал! Помер у нас страшный колдун; по ночам встает из могилы, бродит по селу и то творит, что на самых смелых страх нагнал! Как бы он и тебя не потревожил!» — «Ничего! Солдат — казенный человек, а казенное ни в воде не тонет, ни в огне не горит; пойду, больно хочется с родными поскорей увидаться».

Отправился; дорога шла мимо кладбища. Видит — на одной могиле огонек светит. «Что такое? Дай посмотрю». Подходит, а возле огня колдун сидит да сапоги тачает. «Здорово, брат!» — крикнул ему служивый. Колдун взглянул и спрашивает: «Ты сюда зачем?» — «Да захотелось посмотреть, что ты делаешь». Колдун бросил свою работу и зовет солдата на свадьбу: «Пойдем, брат, погуляем — в селе нонче свадьба!» — «Пойдем!» Пришли на свадьбу, начали их поить, угощать всячески. Колдун пил-пил, гулял-гулял и осердился; прогнал из избы всех гостей и семейных, усыпил повенчанных, вынул два пузырька и шильце, ранил шильцем руки жениха и невесты и набрал их крови. Сделал это и говорит солдату: «Теперь пойдем отсюда». Вот и пошли. На дороге солдат спрашивает: «Скажи, для чего набрал ты в пузырьки крови?» — «Для того, чтоб жених с невестой померли; завтра никто их не добудится! Только один я знаю, как их оживить». — «А как?» — «Надо разрезать у жениха и невесты пяты и в те раны влить опять кровь — каждому свою: в правом кармане спрятана у меня кровь жениха, а в левом невестина».

Солдат выслушал, слова не проронил; а колдун все хвалится: «Я, — говорит, — что захочу, то и сделаю!» — «Будто с тобой и сладить нельзя?» — «Как нельзя? Вот если б кто набрал костер осиновых дров во сто возов да сжег меня на этом костре, так, может, и сладил бы со мною! Только жечь меня надо умеючи; в то время полезут из моей утробы змеи, черви и разные гады, полетят галки, сороки и воробьи; их надо ловить да в костер бросать: если хоть один червяк уйдет, тогда ничто не поможет! В том червяке я ускользну!» Солдат выслушал и запомнил. Говорили, говорили, и дошли, наконец, до могилы, «Ну, брат, — сказал колдун, — теперь я тебя разорву; а то ты все расскажешь». — «Что ты, образумься! Как меня рвать? Я богу и государю служу». Колдун заскрипел зубами, завыл и бросился на солдата, а тот выхватил саблю и стал наотмашь бить. Дрались-дрались, солдат почти из сил выбился; эх, думает, ни за грош пропал! Вдруг запели петухи — колдун упал бездыханен. Солдат вынул из его карманов пузырьки с кровью и пошел к своим родичам.

Приходит, поздоровался; родные спрашивают: «Не видал ли ты, служивый, какой тревоги?» — «Нет, не видал». — «То-то! А у нас на селе горе: колдун ходить повадился». Поговорили и легли спать; наутро проснулся солдат и начал спрашивать: «Говорят, у вас свадьба где-то справляется?» Родные в ответ: «Была свадьба у одного богатого мужика, только и жених и невеста нынешней ночью померли, а отчего — неизвестно». — «А где живет этот мужик?» Указали ему дом; он, не говоря ни слова, пошел туда; приходит и

застает все семейство в слезах. «О чем горюете?» — «Так и так, служивый!» — «Я могу оживить ваших молодых; что дадите?» — «Да хоть половину имения бери!» Солдат сделал так, как научил его колдун, и оживил молодых; вместо плача начались радость, веселье; солдата и угостили и наградили. Он налево кругом и марш к старосте; наказал ему собрать крестьян и приготовить сто возов осиновых дров.

Вот привезли дрова на кладбище, свалили в кучу, вытащили колдуна из могилы, положили на костер и зажгли; а кругом народ обступил — все с метлами, лопатами, кочергами. Костер облился пламенем, начал и колдун гореть; утроба его лопнула, и полезли оттуда змеи, черви и разные гады, и полетели оттуда воробны, сороки и галки; мужики бьют их да в огонь бросают, ни одному червяку не дали ускользнуть. Так колдун и сгорел! Солдат тотчас собрал его пепел и развеял по ветру. С того времени стала на селе тишина; крестьяне отблагодарили солдата всем миром; он побыл на родине, нагулялся досыта и воротился на царскую службу с денежками. Отслужил свой срок, вышел в отставку и стал жить-поживать, добра наживать, худа избывать.

5.

Жил-был солдат; вышел в отставку и пошел домой. Приходит в свою деревню — вся пуста, не видать нигде народу. Что такое значит? Зашел в свою прежнюю избу, снял ранец, разделся; стал на лавку садиться, глянул, а на столе стоит штоф вина, и всяких закусок вволю наготовлено. «Ну, — думает, — хоть голоден не буду: есть что закусить и выпить». Вдруг лезет в избу его старый дед, который лет с десять как помер; был он сильный колдун, весь народ из деревни повыгнал, а такого хитреца, чтобы с ним сладил, еще не бывало! Увидал он гостя и закричал: «Ба! Здравствуй, внучек!» — «Здорово, дедушка!» — «Давно я тебя не видал!» — «И то давно!» Сел колдун и давай закуски уписывать да вином запивать; всё один приел. «Где ж мои братья?» — спрашивает солдат. «В иной деревне живут; я отсюда всех выгнал. Только и ходят сюда что днем; придут, поставят мне ужин да штоф вина, и назад!»

Позакусил колдун, повыпил, и говорит: «Поедем-ка в соседнее село; там нынче свадьба у богатого мужика. Как приедем, я в избу пойду, а ты стой на улице и что стану тебе в окно подавать — все примай да в повозку клади». — «Ладно, дедушка!» Вышли на двор, у крыльца стоит тройка вороных —

так и рвут, копытами землю роют! Сели в повозку и мигом в село прискакали. Колдун вошел в избу, а солдат остался на улице, смотрит: что будет? Дед взял со стола скатерть и все, что на столе было наложено-наставлено, завернул в узел и подает в окно; солдат принял и положил в повозку. Потом подошел колдун к жениху, засучил свой рукав и засунул ему руку в рот по самое плечо — жених тотчас помер; сделал то же и с невестой — и та померла. Тут все заголосили, заплакали; отчего беда приключилась? Никто не ведает: колдун и вошел и ушел никому невидим.

Сел он с солдатом в повозку и поскакал назад. Кони быстро несут! «Что, дедушка, — спрашивает солдат, — долго ты будешь по белу свету ходить?» — «Долго, внучек, пока сам захочу». — «Неужто на тебя и силы нет?» — «Сила-то есть, да никто про нее не ведает». — «Скажи мне, дедушка!» — «Нет, внучек! Много знать хочешь». — «Пожалуйста, скажи!» — «Ну, так и быть: вот в этаким-то месте стоит сухая груша; коли соберутся семеро да выдернут ее с корнем — под ней провал окажется; после надо вырыть мой гроб да бросить в тот провал и посадить опять грушу; ну, внучек, тогда полно мне ходить!» — «А нельзя ли вылечить нынешних молодых, чтоб они ожили?» — «Эх, внучек! Много будешь знать, скоро состареешься». — «Однако скажи!» — «Ну, так и быть! У богатого мужика отелилась сегодня корова и принесла красного бычка; коли того бычка зарезать, да вынуть сердце, да из того сердца взять крови, да тою кровью помазать молодых — они в ту ж минуту оживут и будут здоровы и невредимы».

Кони подлетели к крыльцу и стали как вкопанные; колдун взял узел и понес в избу. Развязал и начал жрать все, что попало: сперва ел кушанья, а там принялся глотать ложки, ножи, бутылки и самую скатерть. Живо все обработал и кричит во всю глотку: «Есть хочу! Голоден!.. Ну, внучек, теперь за тебя примусь!» — «Что ты, дедушка, какая солдат еда! Только одни кости». — «Ничего, годишься!» — «Дай хоть в последний раз на белый свет взглянуть!» — «Ну, взгляни, только поскорее!» Вышел солдат на двор, нашел осиновое полено, взял и стоит; а дед кричит: «Что ж ты копаешься? Иди, мне некогда ждать». — «Нет, дедушка, я в избу не пойду; если хочешь, ешь меня на дворе — нечего избы марать!»

Колдун рассердился, бежит к нему на двор; только хотел было схватить, а солдат не дал маху — как урежет его наотмашь осиновым поленом! Колдун и с ног долой! «Ну, внучек, ударь еще раз». — «Будет с тебя и этого!» Тут запел петух — старик окостенел и замолчал; а солдат схватил ранец и пошел в соседнюю деревню, где его братья жили. На другой день он созвал

весь мир, выбрал шесть человек, сам седьмой пошел; взяли колдуна и бросили в провал — там, где сухая груша стояла. После того солдат вылечил молодых, взял за то большую награду и зажил себе богато и счастливо.

6.

Отпросился солдат в отпуск — родину навестить, родителей повидать, и пошел в дорогу. День шел, другой шел, на третий забрел в дремучий лес. Где тут ночевать? Увидал — на опушке две избы стоят, зашел в крайнюю и застал дома одну старуху. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, служивенькой!» — «Пусти меня ночь переспать». — «Ступай, только тебе здесь беспокойно будет». — «Что? Али тесно у вас? Это, бабушка, ничего; солдату немного места надо: где-нибудь в уголок прилягу, только бы не на дворе!» — «Не то, служивенькой! На грех пришел ты...» — «На какой грех?» — «А вот на какой: в соседней избе помер недавно старик — большой колдун; и таперича каждую ночь рыщет он по чужим домам да людей ест». — «Э, бабушка, бог не выдаст, свинья не съест».

Солдат разделся, поужинал и полез на полати; лег отдыхать, а возле себя тесак положил. Ровно в двенадцать часов попадали все запоры и растворились все двери; входит в избу покойник в белом саване и бросился на старуху. «Ты, проклятый, зачем сюда?» — закричал на него солдат. Колдун оставил старуху, вскочил на полати и давай с солдатом возиться. Тот его тесаком, рубил-рубил, все пальцы на руках поотбивал, а все не может поправиться. Крепко они сцепились, и оба с полатей на пол грохнулись: колдун под низ, а солдат наверх попал; схватил солдат его за бороду и до тех пор угощал тесаком, пока петухи не запели. В ту самую минуту колдун омертвел: лежит, не тронется, словно деревянная колода.

Солдат вытащил его на двор и бросил в колодезь — головой вниз, ногами вверх. Глядь: на ногах у колдуна славные новые сапоги, гвоздями убиты, дегтем смазаны! «Эх, жаль, так задаром пропадут, — думает солдат, — дай-ка я сниму их!» Снял с мертвого сапоги и воротился в избу. «Ах, батюшка служивенькой, — говорит старуха, — зачем ты с него сапоги-то снял?» — «Дак неужли ж на нем оставить? Ты смотри: какие сапоги-то! Кому не надо — рубль серебра даст; а я ведь человек походный, мне они очень пригодятся!»

На другой день простился солдат с хозяйкою и пошел дальше; только с того самого дня — куда он ни пойдет на ночлег, ровно в двенадцать часов ночи является под окно колдун и требует своих сапог. «Я, — грозит, — от тебя нигде не отстану: всю дорогу с тобой пройду, на родине не дам отдыху, на службе замучу!» Не выдержал солдат: «Да что тебе, проклятый, надобно?» — «Поддай мои сапоги!» Солдат бросил в окно сапоги: «На, отвяжись от меня, нечистая сила!» Колдун подхватил свои сапоги, свистнул и с глаз пропал.

7.

Пошел мужик на охоту и любимую собаку с собой взял. Ходил-ходил по лесам, по болотам, ничего не выходил; пристигла его темная ночь, в неуказные часы идет мимо кладбища и видит: стоит на распутии мертвец в белом саване. Оробел мужик: куда идти — вперед, или назад повернуть? «Эх, что ни будет, пойду вперед!» Идет, а собака за ним следом бежит. Заприметил его мертвец и понесся навстречу — до земли ногами на поларшина не хватает, только саван раздувается. Поравнялся с охотником, бросился на него, а собака ухватила того мертвеца за голые икры и начала с ним бороться. Видит мужик, что собака с мертвецом схватилась; обрадовался, что его дело право, и побежал во всю прыть домой!

Собака до тех пор дралась, пока петухи запели и мертвец недвижим упал; после того пустилась за хозяином, нагнала у самого дома и бросилась рвать-кусать его; так обозлилась, так пристала, что еле домашние отбили. «Что такое с собакой подеялось? — спрашивает мать-старуха. — Отчего так возненавидела хозяина?» Мужик рассказал все, что было. «Нехорошо, сынок, — говорит старуха, — собака за то осерчала, что ты не дал ей помочи; она с покойником дралась, а ты ее одноё покинул да себя спасал! Теперь она долго будет на тебя зло мыслить». Наутро вся семья по двору ходит — собака ничего, а только хозяин покажется — так и зарычит. Приковали ее на цепь; целый год на цепи продержали, а все она не забыла хозяйской обиды; сорвалась как-то и прямо на охотника, давай душисть его... Тут ее и убили.

8.

В стародавние годы жили-были в одной деревне два молодых парня; жили они дружно, вместе по беседам ходили, друг друга за родного брата почитали. Сделали они между собой такой уговор: кто из них станет вперед жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; жив ли он будет, помрет ли — все равно. Через год после того заболел один молодец и помер; а спустя несколько месяцев задумал его товарищ жениться. Собрался со всем сродством своим и поехал за невестою. Случилось им ехать мимо кладбища; вспомнил жених своего приятеля, вспомнил старый уговор и велел остановить лошадей. «Я, — говорит, — пойду к своему товарищу на могилу, попрошу его к себе на свадьбу погулять; он был мне верный друг!»

Пошел на могилу и стал звать: «Любезный товарищ! Прошу тебя на свадьбу ко мне». Вдруг могила растворилась, покойник встал и вымолвил: «Спасибо тебе, брат, что исполнил свое обещание! На радостях взойди ко мне; выпьем с тобой по стакану сладкого вина». — «Зашел бы, да поезд стоит, народ дожидается». Покойник отвечает: «Эх, брат, стакан ведь недолго выпить». Жених спустился в могилу; покойник налил ему чашу вина, он выпил — и прошло целое сто лет. «Пей, милый, еще чашу!» Выпил другую — прошло двести лет. «Ну, дружище, выпей и третью да ступай с богом, играй свою свадьбу!» Выпил третью чашу — прошло триста лет.

Покойник простился с своим товарищем; гроб закрылся, могила заровнялась. Жених смотрит: где было кладбище, там стала пустошь; нет ни дороги, ни сродников, ни лошадей, везде поросла крапива да высокая трава. Побежал в деревню — и деревня уж не та; дома иные, люди все незнакомые. Пошел к священнику — и священник не тот; рассказал ему, как и что было. Священник начал по книгам справляться и нашел, что триста лет тому назад был такой случай: в день свадьбы отправился жених на кладбище и пропал, а невеста его вышла потом замуж за другого.

9.

Жил-был мужик да баба, у них было два сына. Пришла солдатчина, забрали старшему сыну лоб и угнали далеко-далеко; а другой брат охотой нанялся и пошел в солдаты. «Кто нас кормить станет?» — говорит старуха, озлобилась на меньшего сына и прокляла его навеки. И случилось так, что оба брата попали в один полк; жили они согласно, хорошо.

Вот меньшей прослужил год, другой, заболел и помер. Схоронили его, как следует. Ночью приходит мертвый брат к живому и говорит: «Братец,

проснись!» Тот испугался. «Не бойся! Я не даром. Помнишь, как нанялся я в охотники, в те поры меня мать прокляла, и теперь меня земля не принимает. Так вот что, братец! Отпросись в отпуск да умоли матушку, чтоб простила меня; коли умолишь ее, добром тебе заплачу: станешь жениться — вспомянешь меня!» Старший брат отпросился в отпуск и пошел домой. Приходит в свою деревню; отец и мать радехоньки, стали спрашивать: «Не встречал ли где меньшого брата, не слыхал ли чего об нем?» — «Ах, ведь он помер! Матушка, прости его». Старуха заплакала и простила.

На другой день идет солдат рынком; вдруг кличет его купец: «Что, служба, не хочешь ли жениться?» — «Невесты нету!» — «Пойдем ко мне: у меня дочь есть». — «Пойдем». У того купца дочь два раза замуж выходила, да все беда случалась: положат с вечера молодых спать, а наутро муж помрет; вишь, к ней змей летал. А солдат про то ничего не ведает; сосватался, обвенчали их и положили спать. Ночью пришел умерший брат и стал у изголовья с мечом в руке. Ударило двенадцать часов, прилетает страшный змей. Мертвец бросился на него и срубил ему все девять голов; наутро пришли купец с купчихою, а зять жив; поставили за него в полк рекрута, и стал он жить с своею женою, брата поминать да добра наживать.

10.

Отпросился солдат в отпуск на родину — святым иконам помолиться, родителям поклониться. Идет дорогою, а уж солнышко давно село, в поле темно. Надо идти мимо кладбища; вот слышит он — кто-то за ним гонится: «Стой! — кричит. — Не уйдешь!» Оглянулся, а то упокойник бежит, зубами скрипит; солдат пустился от него в сторону во всю свою прыть, увидел часовенку — и прямо в нее. В той часовенке нет никого, только лежит на столе другой упокойник, а перед ним свечи горят. Солдат забился в угол, сидит ни жив ни мертв: что-то будет!

Вдруг прибегают и лезет в часовню тот, первый упокойник, что за солдатом гнал; а тот, что на столе лежал, встает и говорит ему: «Ты зачем прибег?» — «Я солдата сюды пригнал, так хочу его съесть». — «Ну, брат, он ко мне прибег; я его и съем!» — «Нет, я!» — «Нет, я!» И давай драться, только пыль летит; долго бы они дрались, да петухи закричали: тут оба упокойника упали на пол замертво, и солдат спокойно ушел домой. «Слава тебе господи, спасся от колдунов!»

11.

В одном селе жили-были муж да жена; жили они весело, согласно, любовно: все соседи им завидовали, а добрые люди, глядячи на них, радовались. Вот хозяйка отяжелела, родила сына, да с тех родов и померла. Бедный мужик горевал да плакал, пуще всего о ребенке убивался: как теперь выкормить, возрастить его без родной матери? Нанял какую-то старушку за ним ходить; все лучше. Только что за притча? Днем ребенок не ест, завсегда кричит, ничем его не утетишь; а наступит ночь — словно и нет его, тихо и мирно спит. «Отчего так? — думает страуха. — Дай-ка я ночь не посплю, авось разведаю». Вот в самую полночь слышит она: кто-то отворил потихоньку двери и подошел к люльке; ребенок затих, как будто грудь сосет. На другую ночь и на третью опять то же.

Стала она говорить про то мужику; он собрал своих сродственников и стал совет держать. Вот и придумали: не поспать одну ночь да подсмотреть: кто это ходит да ребенка кормит? С вечера улеглись все на полу, в головах у себя поставили зажженную свечу и покрыли ее глиняным горшком. В полночь отворилась в избу дверь, кто-то подошел к люльке — и ребенок затих. В это время один из сродственников вдруг открыл свечу — смотрят: покойная мать в том самом платье, в каком ее схоронили, стоит на коленях, наклонясь к люльке, и кормит ребенка мертвой грудью. Только осветилась изба — она тотчас поднялась, печально взглянула на своего малютку и тихо ушла, не говоря никому не единого слова. Все, кто ее видел, превратились в камень; а малютку нашли мертвым.

12.

Раз ночью шел мимо церкви школьный учитель и попался навстречу двенадцати разбойникам. «Знаешь ли ты, — спросили разбойники, — где лежит та богатая пани, что с неделю назад померла в вашем местечке?» — «Знаю; ее похоронили в церковном склепе». Разбойники пригрозили ему острым ножом и принудили идти с собою; пришли к церковному склепу, выломали из окна железную решетку и спустили туда на кушаках школьного учителя. «Открой, — говорят ему, — гробницу, сними у пани семь золотых перстней с драгоценными камнями и подай сюда».

Учитель открыл гробовую крышку и стал снимать с рук покойницы золотые перстни; шесть легко снял, а седьмого не может: пани сжала палец и не

дает кольца. Сказал он про то разбойникам; они кинули ему нож и приказывают: «Отруби-ка ей палец!» Учитель поднял нож и как только отрубил палец — в ту ж минуту покойница словно от сна пробудилась, закричала громким голосом: «Сестрицы и братцы! Вставайте на помощь скорей; не знала я покоя при жизни, не дают мне его и по смерти!» На ее голос растворились гробницы, и начали выходить мертвецы.

Разбойники услышали шум и разбежались в разные стороны, а учитель с испугу бросился из подвала на лестницу, вбежал в церковь, спрятался на хоры и дверь за собой запер. Мертвецы — за ним, увидали, куда он спрятался, и принялись таскать свои гроба и становить один на другой, чтобы по ним взобраться на хоры. Учитель тем временем нашел длинный шест и давай гроба сваливать: в такой работе провозился он до полуночи; а как ударило двенадцать часов — мертвецы разобрали свои гроба и ушли в склеп. Учитель еле жив остался! На другое утро нашли его в церкви разбитого, больного; пришел священник, исповедал и приобщил его, и вслед за тем учитель помер.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.